

**Муниципальный этап Всероссийской олимпиады школьников по
литературе 2023-2024 уч. год.**

10 класс

I. Целостный анализ поэтического или прозаического текста (по выбору учащегося)

1. Сделайте целостный анализ прозаического текста. Какова роль отсылок к культурным и литературным реалиям в повествовании? Как эти отсылки связаны с логикой развёртывания сюжета в рассказе?

Марина Вишневецкая

Т. И. Н.

(опыт сада)

Соседи моей двоюродной сестры, пока не новые русские, но люди, к этому явно предрасположенные, много и трудно для этого работающие, хочется сказать старомодно: "попросили меня посидеть"... но нет, наняли на три летних месяца няней и немного гувернанткой - за хорошие, по моим представлениям, деньги. В институте к этому времени мне оставили уже только заочников, так что лето, все целиком, стало моим.

В нашем с Дашей распоряжении оказалась половина одноэтажного дома: три комнаты с кухней и чудной, обитой вагонкой верандой. Вход у нас был отдельный, перед крыльцом цветник, вокруг дома сад.

В этом саду я впервые увидела, как раскрывается мак. Происходит это ровно за двадцать минут. Лопается бутон, причем лопается вниз, под ним оказывается ком как будто смятой папиросной бумаги. И этот ком на твоих глазах неспешно приподнимается, расправляется, чтобы в конце концов сбросить зеленую, шершавую, мешающую прищепку. Новорожденный мак еще влажен - всего только мак, а стоит и покачивается, как однодневный теленок. Он родился. Если ты это видел, его уже невозможно сорвать.

А чтобы увидеть закат - во всю ширь, иногда во всю его многоярусную и многоцветную глубину, - нам с Дашей было достаточно выйти на огород. А уж если девочка моя не ленилась, не капризничала, не сводила со мной счеты за какое-нибудь дневное "нельзя", мы отправлялись на наш косогор: вниз, словно в чьей-то мозолистой ладони, лежала деревенька, а за ней вверх по склону, к самому небу карабкался густой, смешанный, в эти минуты уже, как смола, черный лес и впечатывал свои ели в самые облака. В августе на эту натруженную ладонь, как будто другой, свободной рукой, были небрежно брошены хлопья тумана. И похожая дымка то там, то тут тянулась над лесом. В моем детстве мы украшали елку просто кусочками ваты. А получалось вот так же таинственно.

Когда солнце соскальзывало, а иногда казалось, стекало за растопыренные, будто вырезанные ножницами ели, и утягивало, - а он медлил, не хотел, не утягивался, - последний лучик, Даша сердилась, сердилась искренне, а хмурилась деланно, яростно топала ногой: "Ну все, его нет! Все, все, пошли отсюда!" - как будто и ей могло быть по-настоящему грустно. Грустно, в какой-то миг безысходно, потом отстраненно, спустя мгновение - отрешенно... и вдруг почему-то светло. Невыразимо. Стареющая женщина и девочка четырех с небольшим лет, друг другу случайные, можно сказать, чужие, стояли, в этой невыразимости увязнув, - если правда, что птицы во время заката на миг умолкают, я думаю, ровно по той же причине, - а потом и мне, и ей как-то сразу делалось зябко. Она хныкала, просила жакетик, хотела, чтобы домой я несла ее на руках. И часто засыпала, прилипнув кудряшками к моей взмокшей шее, укаченная на ходу моим немного вразвалочку шагом. В саду было уже по-настоящему сумеречно. И только синицы дозванивали невысказанное друг другу за день.

Ночью яблоки буквально шагали по саду - большими размеренными шагами. И от Даши, на соседней кровати неслышной, беспомощной, кроткой, себя уже было не отличить. По саду расхаживал кто-то огромный, надежный, правильный. Казалось, вдохнет, дунет и раскачает твою колыбель. Ночью ведь спишь в положении эмбриона... и, видимо, потому все твои возрасты проваливаются куда-то в подпол. Лежишь и слушаешь, как мыши их перемалывают в труху.

Или - как безумствует дождь.

Ливень по саду метался, в нем неистовствовал. Листья, земля, цветы, крыша над головой дрожали, звенели, кричали в ответ. Потом ветер стихал, а дождь все только усиливался - это была неостановимо работающая гильотина, то и дело вспыхивающая своим занесенным острием. Она рубила все нити, связывающие нас с большой землей. Плащ, сапоги, зонт, набитый продуктами холодильник, мобильник, оставленный Дашиными родителями, - не утешало ничто. Потому что переживание было каким-то мистическим. В городе, в блочной многоэтажке, когда ночью льет дождь, думаешь о тех, кто в земле, какого им там, бедным, - мужу, маме... Или если отец допоздна засиделся на лавочке, смотришь, как тяжело он переставляет ноги, как, промокнув уже насквозь, в облепивших его худобу штанах и рубашке, медленно шкандыбает к подъезду. Или как случайный прохожий мечется между потоками, низвергающимися с крыши, и неотвратимым прибоем, несущимся на него из-под колес...

На даче все по-другому. Ты - младенец, предсказания были ужасны, родители в них поверили и вот ты уже брошен в корзину, корзина - в бурную, пенящуюся реку, - ты все уже понимаешь, но не в твоих слабых силах что бы то ни было изменить.

Если же гром стучал кулаком прямо по нашей крыше - однажды спросонья мне показалось: это неспелый арбуз свалился мне на голову и вот уж в разные стороны полетели белые ломти-ошметки! - Дашка в ужасе забиралась в мою кровать, дрожала, прижималась к моему и сквозь ночную рубашку теплу, может быть, даже жару своим холодным, дрожащим тельцем, - дом становился ковчегом, а голубь, отправленный наугад, на удачу, дважды уже возвратился. Кто знает, он мог вернуться и в третий раз - книга книг еще не была написана. И слова, которые я шептала всхлипывающему в меня комочку, - про долгожданную воду, которую пьют сейчас под землей гномики, эльфы, и червячки, и кроты, и мышки, и корни деревьев, а домовята сейчас запасают воду для баньки, а добрые кикиморы (слышишь, как плещутся?) отмывают на болоте своих маленьких деток, - были не из меня, я не знаю откуда, - из детства? не моего - еще прапрабабкиного, должно быть.

Утром я снова просыпалась во взрослость, вернее сказать, в престарелость... Горсть таблеток запивала родниковой водой. Здоровалась с паучком, высевшим перед дверью веранды - всегда на уровне моих глаз. Он был очень похож на краба и так затейливо полосат, а может быть, даже и конопат, что мне бы для полноты знакомства десятикратную лупу, а я опять забыла ее в Москве!.. Боднув паучка ногтем, - отчего он стремительно, точно кисть виртуозной арфистки, уносился ввысь, - я открывала дверь. Я точно знала, что сейчас увижу... А увиденное опять заставало врасплох. Трава от густой росы стояла вся белая, солнце еще не поднялось, а яблоки лежали в траве и светились. Даже в самое хмурое утро. Свет был у них внутри. Наш с Дашкой белый налив - с обязательной темной отметиной на ударившемся боку. Яблоки я собирала в корзину. Рыхлость отметин вырезала. И делала яблочное пюре.

Я застала Дашу в тот миг ее жизни, когда маленькая девочка таинственным образом уживалась в ней с маленькой женщиной, манерной, капризной, подчас дрянной. "Ты не любишь меня, ты никого не любишь! У тебя поэтому нет детей! Моя мамочка дорогая, родная придет и выгонит тебя отсюда на кулички!" - вдруг кричала она на самый пустяковый запрет. И валялась в траве, на полу, однажды даже в грязи - там, где застала ее ярость. Она знала, как я люблю этот мак, он раскрылся на моих глазах, когда Даша еще спала, но все увиденное я ей рассказала, и она несколько раз в день подбегала к нему, ручки

смешно заводила за спину и нежно вдыхала... А потом вырвала его - где только силы взяла? - прямо с корнем, стоило мне не включить ей в сорок пятый раз ее любимый фильм "Лабиринт" - из-за долгой прогулки мы не успели с ней позаниматься французским. "У тебя тоже не останется в жизни больше никакой, никакой, никакой радости!" - и топтала его ногами.

И это же самое дитя, спустя всего час, могло положить мне головку на руку, на колени, руку поцеловать - без притворства, с нежностью, которая возможна разве что между шмелем и цветком: "Таточка, ты мне совсем еще не надоела. Ты будешь жить с нами всегда-всегда?" Ее влажно набухшие от полноты чувств глаза смотрели прямо в меня, минуя зрачки, в мою испуганно сжавшуюся, а потом вдруг рванувшуюся к ней душу.

Синицы появились в нашем саду в середине июля. Стояла жара. Две мелкие птички обнаружили под козырьком крыльца небольшой прямоугольный провал и стали пытаться в него влететь. Перечеркивали воздух, в нем изворачивались, метались, старались... Но с легкостью у них это стало получаться не сразу. Только к вечеру первого дня. Чтобы их возле нас удержать, мы стали подкармливать их семечками. Сыпали щедро - на перила крыльца. И через несколько дней у нас столовалось уже шесть "летучих яблочек". Это Дашка их так окрестила.

Спустя пару недель, совсем к нам привыкнув, они хватали гостинец почти что из рук. Если же мы вдруг про них забывали, принимались метаться перед самыми глазами, доводя Дашу до иступленного, восторженного визга.

Схватив семечку, птица неслась на яблоню. Семечку придерживала лапами и долбила клювом. Вдруг слышался легкий хруст - точно такой же, когда лузгу разгрызаешь зубами. И ровно на этот миг делалось что-то понятней - про себя, про синицу... может быть, про то, что бездна, нас разделяющая, не так и огромна.

А потом они начинали звенеть. Пока они пощелкивали или потенькивали, они все-таки были птицами. Но их металлический перезвон, а в иные мгновения он становился и вовсе хрустальным, делал их существами иной природы - механической, ангельской, я не знаю какой, - неземной. Плачу я легко, слезы мои стоят не дорого. Но чтобы вдруг прослезиться от звона синиц, чтобы слушать его с перехваченным горлом?.. Потому ли, что всякий сад - это Сад?

Когда над ним повисало облако, - монументальное, затейливое, изощренно вылепленное еще и светом, еще и тенью, во всей необозримости времен и судеб - такое одно, на твоих глазах едва уловимо меняющееся, только в это мгновение и существующее, стоящее и плывущее, несоразмерное ни тебе, ни божьей коровке, ни дереву, а все-таки позволяющее себя охватить целиком и уже только этим всех уравнивая со всеми, - сад тоже делался островом, облаком, астероидом, обещанием встречи с теми, с кем никогда уже не увидеться на земле. Сад, такой живой и сиюминутный, каждый миг изумлявший то снежно-белой запорошенностью жасмина, то торжественно бордовым свечением барбариса, то вдруг огненно полыхнувшими возле изгороди настурциями или малиной, которую, сколько ни собирай, всякий день ее делается больше и больше, - в конце августа, как бывает только перед разлукой, сад во мне словно бы замер, потом как будто окаменел... Он стал казаться мне каменной скрижалю, истертой миллионами прикосновений, но если закрыть глаза и отправить в путешествие зрячие пальцы, под ними вдруг проступали разрозненные, случайные буквы. Они не складывались в слова. Я думаю, у меня просто не хватало воображения. А может быть, памяти.

Память таилась в непредсказуемых Дашиных реакций. Вот она выметает с веранды добрую дюжину скукожившихся насекомых. Пальчиками выхватывает из кучки пчелу, кладет на ладонь и слезно бормочет: "Пчелочка, ну пчелочка! Ну лети же!" - и подбрасывает ее с истовой верой в то, что смерти нет. А вот моя девочка маленькими осторожными

шагами подходит к парнику - хозяйка впервые нас сюда позвала - полюбоваться. От всего увиденного Даша сутулится и крадется, на лице почти испуг, в глазах - изумление: оказывается, перцы, огурцы и помидоры растут фактически на деревьях, оказывается, помидоры бывают и желтого, и темно-бурого, и даже черного цвета, а помидор "бычьё сердце" - по форме точно такой, как сердечко на заколке в ее волосах, только уж слишком огромный - на ее глазах сорванный и подаренный ей помидор. Она, как цыпленка, бережно прижимает его к груди. Мы выходим на воздух из влажного, целлофанового тепла. Мне кажется, Даша сейчас заплачет, иначе с увиденным не совладать. Молчит. Посапывая, идет по тропинке. На нашем крыльце наконец настороженно говорит: "Я его съем и что? Мое сердце станет таким же? Пребольшим-пребольшим и небьющимся?" - "Нет, не бойся! Не станет!" - "Нет, станет! Сейчас как съем его! И ты тоже, Таточка, чтобы ела!" - "Я не хочу, чтобы мое сердце стало небьющимся!" - "А я хочу! Я для тебя же хочу! Раз оно опять у тебя вдребезги!" - ноздри ширит, как мама, а в глазах, больших, папиных, влажно-матовых, будто только что вынутый из колючей шкурки каштан, насмешка, потом вдруг растерянность, нежность. Она кладет помидор на крыльцо, прижимается, обнимает мои колени. Август кончается. Скоро разлука.

Дашина мама, регулярно приезжавшая к нам на полтора выходных, - что давало мне маленький роздых, а главное - возможность метнуться в город, к отцу, - к этой разлуке Дашу готовила, видимо, исподволь. Я-то долгое время считала, что и в Москве хотя бы один раз в неделю мы продолжим наши занятия французским, чтением, счетом. Ведь мы, на удивление, много успели за лето. Но Дашина мама, женщина молодая, решительная, практичная, рассудила иначе. Ей не хотелось, чтобы Даша привязывалась к кому бы то ни было. Она не отваживалась делить с чужими людьми девочкину любовь.

А все-таки этот сад у нас с Дашкой был. Я думаю, только стареющие женщины и совсем маленькие девочки в слове "был" могут услышать "есть". Для всех остальных жизнь - это бурная, порожистая река, берега все время меняются, слева и справа то и дело являются новые виды... А то, что вытекает эта река из сада и возвращается в тот же сад, люди не понимают, вернее сказать, не помнят. Да и я, не случись в моей жизни этого лета, почти наверняка об этом не вспомнила бы.

Деньги за август Дашин отец привез только в начале октября. Стоя в дверях, скомканно извинился, беглым взглядом прошелся по унылости нашей прихожей, в прошлом году залитой соседями и до сих пор так и не отремонтированной... Протянул конверт и стал уже было прощаться. Вдруг сказал: "А знаете, что она вчера про вас изрекла? Уже в кровати!" Я пожалала плечами. "Папочка! Почему так получилось, что у Таты такое красивое лицо? Я хочу увидеть ее голову и глаза!" - а потом, как будто бы о сказанном пожалел, отмахнулся рукой... или это он так со мной попрощался и бросился к лифту.

2001

Марина Артуровна Вишневецкая (род. в 1955 г.) – российский писатель, сценарист. Автор сценариев анимационных фильмов, искусствоведческих и исторических документальных лент. Автор юмористических текстов, стихотворений для детей, повестей и рассказов, регулярно печатается в толстых литературных журналах. Лауреат Премии журнала «Знамя» (1997, 2002), Премии Ивана Петровича Белкина (2002), Большой премии Аполлона Григорьева (2002).

Рассказ «Т. И. Н. (опыт сада)» вышел в 2001 году в журнале «Знамя». Вместе с произведениями «В. Д. А. (опыт неучастия)», «М. М. Ч. (опыт возвращения)», «А.К.С. (опыт любви)» и рядом других составил сборник «Опыты» (2002).

2. Сделайте целостный анализ поэтического текста. Какова роль пейзажа в понимании внутреннего мира лирического героя? Каков культурологический контекст данного стихотворения?

А. Кушнер

Декабрьским утром черно-синим
Тепло домашнее покинем
И выйдем молча на мороз.
Киоск фанерный льдом зарос,
Уходит в небо пар отвесный,
Деревья бьет сырая дрожь,
И ты не дремлешь, друг прелестный,
А щеки варежкой трешь.

Шел ночью снег. Скребут скребками.
Бегут кто тише, кто быстрее.
В слезах, под теплыми платками,
Пронесут сонных малышей.
Как не похожи на прогулки
Такие выходы к реке!
Мы дрогнем в темном переулке
На ленинградском сквозняке.

И я с усилием привычным
Вернуть стараюсь красоту
Домам, и скверам безразличным,
И пешеходу на мосту.
И пропускаю свой автобус,
И замерзаю, весь в снегу,
Но жить, покуда этот фокус
Мне не удался, не могу.

1966

II Творческая работа.

Задание. Напишите связный текст литературоведческого, историко-литературного, научного либо научно-популярного характера, включив в него максимальное количество из следующих 10 слов/словосочетаний (даны в алфавитном порядке, разделены запятыми).

Приступая к работе, сначала придумайте и кратко письменно объясните, где и как мог бы быть использован этот текст (статья в журнал или энциклопедию, параграф учебника, доклад на конференции, фрагмент лекции и др.). Старайтесь выбрать стиль текста в соответствии с задуманным жанром и условным адресатом. Помните, что ваша задача – включить предложенные слова в некий общий «сюжет», через который были бы видны литературная эпоха, или литературное произведение в его связи с другими произведениями, или автор и его творчество в широком контексте, или литературоведческая проблема в многообразии ее толкований.

Закончив работу, подчеркните в тексте использованные вами слова и словосочетания из приведенного списка.

Анжабеман, Георгий Победоносец, Жуковский, «Каменный Гость», «маленький человек», Петр Первый, Пигмалион и Галатея, Пушкин, Фальконе, ямб.